

Siergiej Kormilow

"Осенние клёны. Антология
корейской поэзии VIII-XIX
столетий в русских поэтических
переводах", Гиперион 2012 :
[recenzja]

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 4, 327-333

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

***Осенние клёны. Антология корейской поэзии
VIII-XIX столетий в русских поэтических
переводах, СПб., Гиперион 2012, 352 с. (серия
«Золотой фонд корейской литературы». VII)***

Почему москвич Л.Р. Концевич, научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, опубликовал антологию корейской поэзии в петербургском издательстве «Гиперион»? По-видимому, чтобы она не дошла до Алматы¹. Даже в Москве раздобыть дорогую книгу оказалось очень сложно.

Ее открывает четырехстраничная заметка *От составителя*. В одной из первых фраз, довольно неграмотно построенной, о книге говорится: «Все переводы были выполнены в разное время русскими поэтами, начиная с великой поэтессы Анны Ахматовой (1889-1966) и известного специалиста по теории стиха и талантливому переводчику Александра Жовтиса (1923-1999) и другими поэтами по научным подстрочникам такого блестящего знатока традиционной корейской поэзии, как Марианна Никитина (1930-2008), и сделанным мною» (с. 5)². Далее сообщается, что «большинство переводов» печатается по четырем перечисляемым изданиям. На самом деле в основе нового издания - антология *Бамбук в снегу. Корейская лирика VIII-XIX веков* (М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1977), они близки и по количеству страниц: 352 и 327, только там в выходных данных было обозначено: «Пер. А. Жовтиса», а здесь – «поэтич. пер. А.А. Ахматовой, А.Л. Жовтиса, Е. Витковского» (с. 2). То, что Л.Р. Концевич не нашел возможным узнать в каком-нибудь справочном издании второй инициал Е.В. Витковского³, – еще, конечно, небольшой недостаток. Но это по отношению к Ахматовой и Жовтису *другой*, а не «другие» заявленные переводчики. И в аннотации говорится, соответственно названным фамилиям, лишь о троих: «Русские поэтические переводы выполнены известными поэтами – Анной Ахматовой, Александром Жовтисом и Евгением Витковским» (там же). Но сказанное на последней корочке облож-

¹ В Алматы (тогда Алма-Ате) жил самый активный из переводчиков корейской поэзии А.Л. Жовтис.

² Кстати, Ахматова не признавала слова «поэтесса», тем более с эпитетом «великая». Для нее, как и для Цветаевой, женщины в поэзии – все равно *поэты*.

³ Например: С. Чупринин, *Новая Россия: мир литературы. Энциклопедический словарь-справочник* в 2-х томах, т. I, Москва 2003, с. 270.

ки опять противоречит и числу переводчиков, и их общей оценке в качестве «известных»: «Русские поэтические переводы выполнены как известными поэтами (Анна Ахматова, Александр Жовтис), так и поэтами нового поколения (Евгений Витковский и др.)». Странная логика. Ведь Ахматова и Жовтис тоже к одному поколению не принадлежали, да разве и после алматинского филолога и переводчика не появилось многих *известных* поэтов *новых* поколений? А на последней странице заметки *От составителя* сказано, что переводы, «выполненные молодыми поэтами (Е. Витковским, В. Тихомировым, Н. Мальцевой, Н. Тимофеевой, С. Бычковым и др.) по нашим подстрочникам по требованию Восточной редакции издательства «Художественная литература» при подготовке тома в серии «Библиотека всемирной литературы», на проверку оказались разностильными. Поэтому при отборе переводов для данной антологии мы вынуждены были от них отказаться» (с. 8). Интересно, по какому праву Восточная редакция могла *требовать* от поэтов тех или иных переводов? И почему Витковский всё-таки присутствует в новом издании, хотя его переводы по стилю и метрике действительно резко отличаются от переводов как Ахматовой, так и Жовтиса? Невнимательный читатель может еще подумать, что и в 2011 году, которым датирована заметка Концевича, Витковский, родившийся за 61 год до этого⁴, оставался молодым.

Из сборника *Корейская классическая поэзия. Перевод Анны Ахматовой* (1956; 2-е изд., 1958) Л.Р. Концевич взял всего два текста – *Тон-дон* и *Песня Чхоёна (Чхоёнга)*. Ему осталось неизвестно, что в стесненных обстоятельствах 1950-х годов Ахматова могла выдать чужой перевод за свой и поделиться гонораром: «Разница в сумме гонорара переводов стихотворений для члена Союза писателей СССР и остальных была значительной»⁵. Как постаралась с возможной тщательностью установить редактор и комментатор ахматовского Собрания сочинений Н.В. Королёва, несколько десятков текстов в сборнике *Корейская классическая поэзия*, в том числе *Тон-дон*, перевел Н.И. Харджиев⁶. Повидимому, для Концевича этот перевод – на уровне ахматовских, точнее, единственного подлинно ахматовского, который он на самом деле привлек. Зачем-то часть древнего действия *Чхоёнга*, полный перевод которого вошел во второй раздел антологии (*Из песен Корё*), составитель поместил в варианте Жовтиса под таким же названием, как целое, – *Песня Чхоёна (Чхоёнга)* – в первый раздел, где собраны произведения другого жанра, – *Из песен хянга*.

Витковскому повезло намного больше, чем Ахматовой: в два первых раздела включено восемь его переводов. Все остальные – за исключением десяти – принадлежат Жовтису. Составитель даже утверждает: «Переводы А.Л. Жовтиса, которые составляют большую часть антологии, не оговорены в содержании, тогда как переводы других русских поэтов отмечены» (с. 8). Наверно, Л.Р. Концевич хотел так поступить, но потом пометки ко всем переводам были сделаны (только к разделам, целиком переведенным Жовтисом, – по одному

⁴ Там же.

⁵ Л. Гумилев, *Всем нам завещана Россия*, Москва 2012, с. 339.

⁶ См.: А. Ахматова, *Собр. соч.*, т. 8 (дополнительный), Москва 2005, с. 831-833.

разу после заглавий разделов), а во введении *От составителя* прежнее утверждение осталось.

Почему особенно «обижен» самый талантливый из переводчиков? Объяснение предложено: «<...> по мнению специалистов по корейской литературе, ахматовский стих оказался настолько мощным, что невольно порою приглушал национальный колорит корейских поэтов» (с. 8). Есть, однако, другое мнение: «Специалисты утверждают, что Ахматовой удалось передать особенности корейской поэзии, приблизиться к оригиналу, передать мироощущение человека древней эпохи с его особой философией и культурой»⁷. А лингвист Концевич явно подразумевает под «специалистами по корейской литературе» прежде всего своего «покойного учителя В.А. Хван Юндюна»⁸, автора старого, 1951 года, учебника корейского языка, который в 1956 году написал рецензию на два первых сборника переводов корейской поэзии, московский и алмаатинский, по сути отдав предпочтение переводам А. Жовтиса и П. Пак Ира перед ахматовскими. Претензии рецензента были не беспочвенны, но в основном объясняются его весьма слабой теоретико- и историко-литературной подготовкой⁹. Рецензия Хван Юндюна, «по-видимому, была известна Ахматовой, так как ее текст имелся в ее архиве (см. ОР РНБ, ф. 1073). Однако при переиздании книги в 1958 г. она не отказалась ни от своей свободы в переложении текста, ни от торжественного слога, ни от некоторой „мистики“, которую считала нужным привнести в корейский оригинал»¹⁰.

По словам Л.Р. Концевича, «безукоризненно выполненные переводы Александра Жовтиса» (с которым он, впрочем, много спорил как редактор сборника корейской поэзии *Бамбук в снегу* 1977 года; их переписку он сам опубликовал в приложении к одной из своих статей), то они хороши уже тем, что «примененный им ямбический размер русского стиха передает специфику корейских *сиджо*. <...> Например, при переводе *сиджо* нам показался наиболее оптимальным излюбленный размер в русской поэзии – четырехстопный ямб. Поэтому мы и включили в антологию переводы *сиджо*, таким мастером русского стиха, как А.Л. Жовтис» (с. 8). Стиль и пунктуация автора в цитате сохранены). Переводы Жовтиса, действительно, во многом замечательны, но им «не поздоровится от таких похвал», поскольку в *Осенних клёнах*, самом большом собрании корейской поэзии на русском языке, нет *ни единого* перевода в четырехстопном ямбе. В разделе *сиджо* (корейская твердая форма из шести полустиший, в русских переводах обычно – из шести строк) два шестистишия – четырехстопный амфибрахий (с. 79, 164), два – пятистопный хорей (с. 170, 203),

⁷ Г.П. Козубовская, Е.В. Малышева, «Восточные переводы» А. Ахматовой, „Культура и текст. Литературоведение“, ч. I, Санкт-Петербург – Барнаул 1998, с. 64 (здесь же ссылка на специальную литературу).

⁸ Л.Р. Концевич, *Оригинал – подстрочник – художественный перевод и границы их адекватности (из опыта переводов корейской средневековой поэзии, Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ, критика*, Москва 2008, с. 378.

⁹ См.: С.И. Кормилов, Г.А. Аманова, *Метрика, рифма и строфика в русских переводах из корейской поэзии (А.А. Ахматова, А.Л. Жовтис, Г.Б. Ярославцев)*. Статья первая, «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология» 2013, № 5, с. 103-113.

¹⁰ А. Ахматова, *Собр. соч...*, с. 837.

а все остальные, один список которых в «содержании» занимает почти семь с половиной страниц (с. 342-349), – ямб, только исключительно пятистопный. По «содержанию» можно заключить, что среди *сиджо* есть еще и дольник: «Пойдём-ка, друзья, в веселый дом!» (с. 346). Но это ошибка, в тексте всё тот же пятистопный ямб: «Пойдёмте-ка, друзья, в веселый дом!» (с. 180). Ахматова в своих переводах с корейского (как и в оригинальном творчестве¹¹) тоже его предпочитала (а потому ее нельзя по этому признаку противопоставлять Жовтису), но все-таки не столь последовательно. В переписке по поводу сборника 1977 года переводчик-стиховед писал Концевичу о своем «пятистопном (почти на протяжении всей книги! Это метр, избранный для *сиджо*) ямбе» как условию передачи данной строгой формы¹², а тот в 2008 году заявлял, что «в наши дни, когда появились записи с исполнением *сиджо* и *каса* известными корейскими мастерами, А.Л. Жовтис наверняка нашел бы какой-нибудь более подходящий размер, чем пятистопный ямб, для перевода *сиджо*»¹³. Всего через три-четыре года Концевич возлюбил тот же пятистопный ямб, только под именем четырехстопного, которое сам ему и присвоил.

Не от хорошего отношения «составителя» к Жовтису в большом сборнике всего десять переводов из нескольких сотен принадлежат не ему. Дело в том, что «составитель»-то теперь – в кавычках, а проделанная им работа не только не качественна, но и количественно минимальна. Перед нами лишь слегка обновленный, и то безграмотно, сборник *Бамбук в снегу* 1977 года (где, конечно, Концевич составителем был), выданный за новый. Там было четко сказано, что все переводы – Жовтиса, а тут переводчиков трое или даже трое «и др.», хотя никаких «др.» на самом деле нет. В определении авторских прав отмечено среди прочего: «А.Л. Жовтис, наследники, поэтический перевод, 2012» (с. 2), но раз переводчиков «много», можно одного не выделять и ни с какими наследниками грантом, полученным из Южной Кореи, и гонораром не делиться. Поэтому и лучше издать книгу в Петербурге, чтобы о ней не узнали в Алматы, где жил и умер А.Л. Жовтис.

Понимая, что вводных четырех страниц для самой большой специализированной антологии было бы недостаточно, Л.Р. Концевич перепечатал вслед за ними подлинно научное предисловие М.И. Никитиной к *Бамбуку в снегу* (под названием *Поэтическое слово в корейской литературе*), тронув его совершенно незначительно – так, например, в оригинале к отзыву прозаика XVII века Ким Манджуна о поэзии Чон Чхоля как об «отечественных *Лисао*» было дано примечание: «*Лисао* – поэма великого китайского поэта Цюй Юаня (340-287 гг. до н.э.)»¹⁴, а Концевич переместил его с нарушением падежа («как об <...> поэмы») из сноски внутрь кавычек: отзывался как об «отечественных *Лисао*

¹¹ Пятистопный ямб – «твердая основа метрического репертуара Ахматовой» (М.Л. Гаспаров, *Стих Анны Ахматовой* (М.Л. Гаспаров, *Избранные труды* в 3-х томах, т. III: *О стихе*, Москва 1997, с. 483)).

¹² Л.Р. Концевич, *Оригинал – подстрочник – художественный перевод...*, с. 390.

¹³ Там же, с. 376.

¹⁴ *Бамбук в снегу: Корейская лирика VIII – XIX веков*, пер. А. Жовтиса, предисл. М. Никитиной, Москва 1977, с. 5.

(поэмы великого китайского поэта Цюй Юаня, жившего в 340-287 гг. до н.э.)» (с. 11), – тем самым приписав несколько измененные слова Никитиной Ким Манджуну. Но лучше бы он все-таки повнимательнее перечитал то, что перепечатывает. Дело в том, что и *Бамбук в снегу*, и *Осенние клёны* построены по жанровому принципу. В первом сборнике четыре раздела, во втором – пять. Тут Концевич все-таки проявил творческий подход. В *Бамбуке* первый раздел был посвящен двум жанрам – песням *хянга* и песням *Корё*. Концевич развёл их по разным разделам, и в первый включил семь из восьми переводов Витковского. А внести соответствующие поправки в предисловие Никитиной не потрудились. Вот благодаря ему покойная исследовательница, талантливая и добросовестная, вслед за ним и несет чушь: к первому разделу книги по-прежнему относит два жанра, третий, соответственно, называет вторым, четвертый – третьим, пятый – четвертым (с. 12, 16, 21, 23).

Концевич, в свою очередь, забывает в аннотации к книге про форму *чансиджо*, которой посвящена ее четвертая часть, и про пятую пишет: «четвертая часть – произведения, написанные в форме *каса* (XVI в.) и в форме *чанка* (XVII- XVIII вв.)» (с. 2). Пятой части тут будто и нет. Хоть бы сам срамился, но не срамил достойную женщину, которая уже не может ответить.

Комментарии М.И. Никитиной дополнены двумя комментариями крупного востоковеда А.А. Холодовича к двум текстам из «Корейской классической поэзии» и добавлениями Концевича относительно переводов Витковского. При таком соотношении эту часть антологии трудно было испортить, но можно было слегка улучшить устранением повторений: «Срединное государство, т.е. Китай» (с. 324) и «*Страна Равнины Серединной* – старинное поэтическое наименование Китая, называвшегося Срединным царством» (с. 337), «*Серебряная Река* – Млечный Путь» (с. 327) и «*Серебряная Река* – Млечный Путь» (с. 336), «*Волопаса Ткачиха ждет // За Серебряною Рекою*. – См. примеч. к с. 242» (с. 339), «*Ван* – король, правитель страны» (с. 337) и «ван (правитель)» (с. 339). Но что говорить о повторениях, если во фразе о «селении Тосан близ Андона провинции Северная Кёнсан» (с. 313) предлог *в* опущен? О других стилистических и о пунктуационных ошибках тем более говорить не стоит. Даже в гораздо более академичной «энциклопедической» статье Концевича тавтология, также относимая к стилистическим ошибкам, превращается в грубые терминологические ошибки, совсем уж недопустимые в справочных изданиях. В одном случае упоминаются строфы «с повторяющимся рефреном»¹⁵, хотя не повторяющихся рефренов не может быть, в другом сказано, что, возможно, до XVII века «корейское ударение было больше тоническим, чем долготным (об этом свидетельствуют хотя бы специальные обозначения четырех тонов в заимствованных из китайского словах и трех тонов в исконно корейской лексике)»¹⁶, но «тоновое» (основанное на высоте тона, то есть повышении или понижении голоса) и «тоническое» – отнюдь не одно и то же, по-русски «тонический» и значит вообще «ударный», и русское

¹⁵ Л.Р. Концевич, *Корейская поэтика*, Литературная энциклопедия терминов и понятий, Москва 2001, стлб. 401.

¹⁶ Там же, стлб. 398.

ударение основано на силе голоса, а не на его высоте (высокий голос, то есть «писклявый», вовсе не значит «сильный»). Такая вот бывает теория литературы.

Уровень подготовки антологии «Осенние клёны» не соответствует ученой степени кандидата филологических наук, которой обладает Л.Р. Концевич. Это дискредитация филологической науки.

Специалистов по литературам стран Дальнего Востока в России и СНГ не много, специалистов по корейской литературе почти совсем уже нет. Поэтому читателям надо знать, кому можно доверять, а кому доверять не стоит. Куда же, спрашивается, смотрела «составитель и ответственный редактор серии доктор филологических наук А.Ф. Троцевич» (с. 4)? Какая уж тут ответственность!¹⁷ А институт востоковедения Российской академии наук, в котором работает Л.Р. Концевич, отдел литературоведения во главе с доктором филологических наук А.А. Суворовой где были? Впрочем, если говорить об «академических» востоковедах, то нужно сказать, что когда молодого Льва Концевича официально вводили в науку, его и не могли подготовить к этому как следует. Вот что тогда было: «Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Анастас Иванович Микоян (1895-1978) 16 февраля 1956 г. выступил на XX съезде КПСС с критикой академической науки. В частности, он сказал: „Есть в системе Академии наук еще институт, занимающийся вопросами Востока, но про него можно сказать, что если весь Восток в наше время пробудился, то этот институт дремлет и по сей день.

¹⁷ Вообще с представлением восточных литератур читателям дело в России обстоит неблагоприятно. Еще на рубеже 1980-1990-х годов Н.И. Харджиев, говоря о переводах из китайской поэзии, печатавшихся под именем А.А. Ахматовой, относительно важнейшего произведения Цюй Юаня (IV-III вв. до н.э.), стихи которого, по свидетельству комментатора Н.В. Королевой, «исследователи сравнивали с *Божественной комедией* Данте и трагедиями Шекспира» (Анна Ахматова, *Собр.соч...*, с. 816), заявлял: «Перевод знаменитой поэмы *Лисао* (*Скорбь изгнанника*) целиком принадлежит мне» (Н.И. Харджиев, *О переводах в литературном наследии Анны Ахматовой*, «Ахматовские чтения, выпуск 2. Тайны ремесла», Москва 1992, с. 230). Он не постеснялся сослаться на мнение китаистов, замороженных ахматовским именем: «Недавно („Сов. культура”, 1989, 13.VI) китайский литературовед Чао Ман процитировал высказывание одного московского китаиста, утверждающего, что перевод поэмы «возможно (!), ... не уступает подлиннику». Эту чрезмерно восторженную оценку не снижает даже предусмотрительное “возможно”» (там же). Имеется в виду выдающийся китаист академик Н.Т. Федоренко, готовивший подстрочник для Ахматовой. Фамилия китайского литературоведа у Харджиева искажена (см.: Гао Ман, *Анна Ахматова и литература Китая*, „Советская культура”, 1989, № 70, 13 июня, с. 7). Н.В. Королева, предполагая «участие Ахматовой в окончательной «отделке» и редакции текста» (Анна Ахматова, *Собр.соч.*, т. 8 (дополнительный), с.1004), напечатала *Лисао* под рубрикой «Коллективное» (там же, с. 703-716), правда, с текстологическими ошибками. А значительное время спустя после заявления Харджиева вышла составленная Г.Н. Филатовой антология китайской поэзии, где опубликован тот же перевод *Лисао*, но в «содержании» говорится: «Перевод Л. Эйдлина» («Китайская классика. *Ветви ивы*», Москва 2000, с. 33-47, 563). Так у одного и того же перевода появился уже третий «автор». Википедия по адресу в интернете ru.wikipedia.org приписывает Л.З. Эйдлину также ахматовский перевод стихотворения китайского поэта Ли Шан-иня *Драгоценная цитра*.

Не пора ли ему подняться до уровня требований нашего времени?» – См.: Правда. М., 18 февраля 1956 г., № 49, С. 6¹⁸.

Л.Н. Гумилев после этого писал матери: «Вчера прочел в речи Микояна про наш институт – очень справедливо. Он, действительно, еще в то время превратился в кормушку для придурков и их метресс. Так чего же от него ждать. Надеюсь <...> теперь будет лучше, хотя для того, чтобы подготовить толкового востоковеда из талантливого студента <...> нужно около 15 лет, при максимальных темпах»¹⁹. Прогноз Льва Николаевича оказался чрезмерно оптимистичным. Либо другого Льва (только по имени) вводили в науку меньше пятнадцати лет, либо он не был талантливым студентом.

Впрочем, к специфическим проблемам корееведения сказанное отношения не имеет. Чтобы по справедливости оценить уровень подготовки антологии «Осенние клёны», необязательно вообще быть востоковедом. Ни одного иероглифа в книге нет, написана она по-русски, обращена к русскому читателю. А писать грамотно и отличать пятистопный ямб от четырехстопного требует от каждого школьная программа.

Конечно, хорошо, что переизданы отличные по большей части переводы А.Л. Жовтиса²⁰. Но до его казахстанских земляков они не дойдут, а до кого дойдут, то им не может не повредить в восприятии грамотных читателей псевдонаучный сопроводительный аппарат. Такого они не заслуживают.

Siergiej Kormilow

¹⁸ Л.Н. Гумилев – А.А. Ахматовой. Письма, не дошедшие до адресата. Публикация, вступительная статья и комментарий В.Н. Абросимовой, „Знамя”, 2011, № 6, с. 151.

¹⁹ Там же, с. 144.

²⁰ Изданные в 2013 году в Алматы *Избранные статьи* А.Л. Жовтиса (составители С.Д. Абишева, З.Н. Поляк, вступительная статья Сауле Абишевой) наглядно демонстрируют и масштаб этой личности как ученого и педагога. К сожалению, в проспекте словаря *Русские литературоведы XX века* (Москва 2010), составленном заведующим кафедрой теории литературы филологического факультета МГУ О.А. Клингом и преподавателем этой кафедры А.А. Холиковым, достаточно большой словарь (А.А. Холиков при участии В.И. Масловского) на с. 22-45 включает немало имен третьестепенных и совсем бездарных литературоведов, критиков, литераторов, но имени А.Л. Жовтиса (1923-1999) в нем нет.